

ТЕРРИТОРИЯ ПАМЯТИ

Владимир ЧИСНИКОВ

ЛЕВ ТОЛСТОЙ
О «КОРОЛЕ ПРОВОКАТОРОВ»
ЕВНО АЗЕФЕ

29 апреля 1909 года. Ясная Поляна. Солнце клонилось к закату, когда в графском особняке, в просторной столовой за длинным столом собралась многочисленная семья и гости Льва Николаевича Толстого. На так называемом хозяйском месте, откуда можно было видеть всех присутствующих, сидела жена писателя Софья Андреевна. По правую сторону от нее, в желтом венском кресле находился Лев Николаевич, а рядом с ним — старшая дочь Татьяна Львовна. Такой порядок за столом в семье Толстых сохранялся на протяжении многих лет.

После первого блюда заговорили о проходящем в Петербурге судебном процессе над бывшим директором Департамента полиции А. А. Лопухиным, который подтвердил издателю журнала «Былое» В. Л. Бурцеву, что член ЦК партии социалистов-революционеров Евно Азеф действительно является агентом тайной полиции.

— Я понять не могу, — удивился Лев Николаевич, — зачем его судят? Неужели то, о чем он рассказал, — государственное преступление? Ехал в вагоне с Бурцевым, и Бурцев рассказал ему, что подозревает Азефа в шпионстве, и спросил, правда ли, что Азеф — шпион. Потом потребовали от него подтверждения, даже пришли к нему двое с угрозой. Лопухин подтвердил¹.

Спустя несколько дней, узнав, что Лопухин приговорен к пяти годам каторжных работ, Толстой с возмущением заметил:

— Лопухин раскрыл, какую правительству совершает гадость (сыск, агенты, провокаторы), а вместо того, чтобы замолчать, замаять, его судят (ЯПЗ. 3. С. 399).

В «деле Азефа» писателя особенно поражала безнравственность правительства, использующего в борьбе с революционным движением шпионов (агентов-провокаторов), засылая их в ряды революционеров.

Об Азефе, по воспоминаниям домашнего доктора Толстых Душана Петровича Маковицкого, в Ясной Поляне речь заходила и раньше.

Но прежде чем приступить к освещению его знаменитых дневниковых записей, напомним читателю основные вехи биографии Евно Фишелевича (Евгения Филипповича) Азефа (1869—1918).

¹ «Литературное наследство». Т. 90. «У Толстого» (1904—1910). «Яснополянские записки». Д. П. Маковицкого. Книга 3. (1908—1909, январь—июнь). М., 1979. С. 395. Далее ЯПЗ. 3. Ссылки на страницы этого издания даются в тексте.

Евно Мейер родился 11 июля 1869 года в белорусском местечке Лысково Пружанского уезда Гродненской губернии в богатодетной (семь человек: четыре дочери и три сына) семье бедного еврея — портного. Евно был вторым ребенком и первым сыном Фишеля и Сары Азеф.

В 1874 году семья переехала в Ростов-на-Дону, где отец открыл галантерейную лавку, повысив таким образом свой социальный статус. В Ростове Азеф-младший поступил в Петровское реальное училище, которое, однако, не окончил. Исключили его за то, что однажды он избил одноклассника, отец которого был уважаемым человеком в городе.

По воспоминаниям знакомых, «Азеф всегда был крайне грубым, хитрым, расчетливым и холодным», а его школьные товарищи «грубого и черствого» Евно недолюбливали и называли в насмешку нелюбимым прозвищем «толстая свинья»².

Оставив учебу, Азеф занялся мелкой комиссионной торговлей, был секретарем у фабричного инспектора, актером в одной из гастролирующих трупп, работал корректором и репортером газеты «Донская пчела». В начале 90-х годов сдал экстерном экзамен за реальное училище. В это время стал членом революционного кружка, вел пропаганду среди рабочих.

В 1892 году, скрываясь от полиции, Евно Фишелевич уехал в Германию, прихватив крупную сумму денег мариупольского купца. Учился в политехническом институте м. Карлсруэ, получил специальность инженера-электротехника. Будучи студентом, присоединился к членам социал-демократического кружка. В 1893 году предложил услуги информатора Департаменту полиции за ежемесячное вознаграждение в размере 50 руб. В жандармских секретных документах проходил под оперативными псевдонимами Виноградов, затем — Раскин. По заданию кураторов сблизился с эмигрантским Союзом русских социал-революционеров (эсеров).

После получения диплома новоиспеченный инженер Азеф работал в различных фирмах, пока не устроился в берлинский офис Всеобщей компании электричества. Осенью 1899 года компания командировала его в Москву, где он занимался проектированием электростанций.

Являясь секретным сотрудником Департамента полиции, поступил в оперативное распоряжение начальника Московского охранного отделения С. В. Зубатова. Имея рекомендацию к руководству Союза русских социал-революционеров, получил все пароли, явки и связи организации. В результате полицией была ликвидирована томская типография союза, а также разгромлен Северный союз эсеров.

В ноябре 1901 года Азеф возвращается в Германию, посещает Париж, участвует в создании партии социалистов-революционеров. Организовал транспортировку революционной литературы из-за границы, изготовление бомб, формировал эсеровские комитеты и группы.

В мае 1902 года начинает работу в Боевой организации, возглавляемой Г. Гершуни, а после его ареста принял руководство на себя. Бесконтрольно распоряжался ее кассой, используя финансовые возможности партии в собственных целях. Участвовал в подготовке громких террористических актов: против харьковского губернатора князя И. Оболенского и уфимского губернатора М. Богдановича, убийстве министра внутренних дел В. К. Плеве, великого князя Сергея Александровича, священника Г. Гапонова и др. Одновременно информировал Департамент полиции обо всех действиях товарищей по партии и их планах: выдал почти весь состав боевого отряда (17 боевиков), предупредил покушения на министра внутренних дел П. Н. Дурново и императора Николая II.

² Шубинский В. И. Азеф. М., 2016. С. 15.

В конце 1908 года Николай Николаевич (революционный псевдоним Азефа) был разоблачен как предатель «охотником за провокаторами» В. Л. Бурцевым и приговорен ЦК партии социал-революционеров к смертной казни. Бежал в Германию, оставив жену и двоих несовершеннолетних детей. В Берлине проживал с немкой Х. Клеппер, где под фамилией Александра Неймайера играл на бирже, открыл шляпную мастерскую и поддерживал связи с русской тайной полицией. В 1915 году Азеф был арестован немецкой полицией как «опасный российский анархист». Содержался в моабитской тюрьме до декабря 1917 года. После освобождения проживал в Берлине, где и умер 24 апреля 1918 года (н. ст.) от почечной недостаточности. Похоронен на вильмерсдорфском кладбище. На его могиле не было установлено ни креста, ни камня, только на безымянной табличке номер — 446. Журналисты называли Азефа «королем провокаторов», «злым гением революции», который своей деятельностью нанес партии эсеров огромный вред.

Лев Толстой неоднократно с осуждением отзывался об Азефе. Об этом убедительно свидетельствуют дневниковые записи 1909—1910 годов доктора Д. П. Маковицкого.

22 января 1909 г. ...За обедом зашел разговор по поводу ареста бывшего директора Департамента полиции А. А. Лопухина за то, что он подтвердил издателю журнала «Былое» В. Л. Бурцеву, что Евно Азеф действительно был агентом тайной полиции, являясь одновременно «одним из главарей организации социалистов-революционеров и вместе с тем провокатором».

Лев Николаевич, разговаривая с М. А. Стаховичем, «говорили о роли правительства, что оно провоцировало бунт в Свеаборге, убийство Плеве и др., во всем этом деятельным был Азеф» (ЯПЗ. 3. С. 307).

30 января. С. А. Толстая возвратилась из Москвы «...и, как всегда, рассказывала быстро, живо и интересно... Говорила что-то сложное о деле Азефа». Лев Николаевич, выслушав ее, произнес: «До какой степени противно всякому нравственному чувству, что и не хочется говорить об этом» (ЯПЗ. 3. С. 314).

На следующий день, *31 января*, писатель в газете «Русское слово» увидел портрет Азефа, у которого было «удивительно характерное выражение лица». Прочитав разоблачительную статью о нем, Толстой сказал: «У меня впечатление тяжелое осталось от Азефа» (ЯПЗ. 3. С. 318).

4 февраля. Приехавший в Ясную Поляну врач Г. К. Беркенгейм за утренним чаем рассказал новости о провокаторской деятельности Азефа. В частности, он отметил, что «разоблачение Азефа — большая брешь в революционной террористической партии. Обнаружилось, что весь террор революции 1905—06 гг. проходил под руководством полиции. Азеф поссорился с Плеве и устроил его убийство. Роль Гапона изменяется: его убил Азеф». Выслушав собеседника, Толстой, ссылаясь на Н. Н. Гусева, сказал, «...что молодые люди, свежие в революционной организации, чувствовали отвращение к Азефу, неохотно поступали под его руководство» (ЯПЗ. 3. С. 318—319).

6 февраля. Приехавший в Ясную Поляну сотрудник газеты «Новая Русь» Купчинский во время очередного обсуждения «дела Азефа» сообщил о том, что среди рядовых членов партии эсеров начались самоубийства, вызванные предательством Азефа. Знакомая Толстого М. А. Шмидт, ужаснувшись, воскликнула: «Как можно быть шпионом?». Никто из присутствующих не решился ответить на ее вопрос, и только Лев Николаевич задумчиво произнес: «Это нам, простым людям, непонятно» (ЯПЗ. 3. С. 322).

14 февраля. Обсуждая речь П. А. Столыпина на заседании Думы, когда премьер отвечал «о деле Азефа», Лев Николаевич, взял газету с его речью и прочел вслух

строки: «А там где бомбы — аргумент, там, конечно, естественный ответ: беспощадность кары». Отложив газету, Толстой сказал: «Стало быть, вешать, вешать вешать. Так что Столыпин признает, что Азеф, оказывается, полезный член правительства». При этом писатель «все время говорил с гадливостью, презрением злобой, которые не удалось ему подавить, о роли правительства и очень остро порицал его» (ЯПЗ. 3. С. 330—331).

18 февраля. Вечером за чаем был разговор об Азефе, во время которого Лев Николаевич сказал, что он «так и не поймет почему Лопухина арестовали» (ЯПЗ. 3. С. 334).

19 февраля. Вечером Лев Николаевич, сидя в кругу домочадцев и гостей, когда «розговорились об Азефе», сказал: «Нет худа без добра: дело Азефа раскрыло, что такое правительство тем, которые этого еще не видели. Правительство — это ряд мерзавцев» (ЯПЗ. 3. С. 336).

11 марта. Гостивший в Ясной Поляне тульский помещик князь Д. Д. Оболенский «рассказывал о Лопухине (дело Азефа), как он сидит без стола в камере — пять на три аршина, как начальник его третирует одинаково со всеми, никакой поправки; уволил со службы надзирателя, отдавшего на почту открытку Лопухина, в которой он просил жену прислать ему фуфайку» (ЯПЗ. 3. С. 355).

22 марта. Приехавший в гости с супругой, дочерью писателя Татьяной, Николай Сергеевич Сухотин, ссылаясь на рассказ Е. Е. Лазарева, поведал «об Азефе преинтересно... Когда Бурцев заподозрил его в шпионстве и сообщил об этом Центральному комитету, он обвинил Бурцева в службе правительству, чтобы лишить партию такого деятеля, как он, Азеф и решил Бурцева убить. Разоблачение Азефа очень дезорганизовало революционеров» (ЯПЗ. 3. С. 366).

3 апреля. Вечером Н. С. Сухотин «преинтересно рассказывал смешные истории про революционера Кузьму в Женеве. Потом рассказывал про шпиона Байтнера, про Азефа, как его дорого оплачивали и революционеры, и правительство и как покушение на царя, которое он организовал, чтобы восстановить к себе доверие революционеров, удалось бы, если бы не струсил тот, который должен был его совершить» (ЯПЗ. 3. С. 379).

30 апреля. Приехавший утром в Ясную Поляну художник Л. О. Пастернак с женой, во время беседы с писателем заговорили о деле Лопухина-Азефа. Леонид Осипович «нападал на правительство, Столыпина». Говоря о последнем, Толстой заметил: «Столыпин, по отцу судя, должен быть честный человек, а он — заблудший (Нерон). Основы, принципы виноваты, а не люди. Это суеверие — устраивать жизнь других» (ЯПЗ. 3. С. 396).

1 мая. После обеда к писателю приехал его сын, Сергей Львович. Вместе с отцом они уединились в зале и долго разговаривали. Рассказывая новости, Сергей Львович заговорил и «про разбираемое судом дело Лопухина — Азефа». председатель не дает высказываться Лопухину, останавливает его».

Лев Николаевич, считавший вынесенный Лопухину приговор — 5 лет каторги крайне жестоким и несправедливым, сказал: «У меня впечатление, что он честнее тех людей, среди которых он служил и которые его судят» (ЯПЗ. 3. С. 397).

3 мая. Вечером из Петербурга вернулась Татьяна Львовна Сухотина-Толстая, где хлопотала за В. Г. Черткова. Рассказывала о своей встрече со Столыпиным, а также о том, «какое впечатление произвело осуждение Лопухина (по делу Азефа) на пять лет каторги. Все, и консерваторы, возмущены. Главное, тем, что председатель суда Варварин, сенатор, не позволил ему высказаться» (ЯПЗ. 3. С. 399).

30 мая. Утром в Ясную Поляну приехал с женой известный ученый И. И. Мечников. Во время беседы с Толстым он затронул вопрос о деле Лопухина. Илья Ильич,

говоря о Столыпине, утверждал, что он «против смертных приговоров; что в деле Лопухина Столыпин был счастлив, когда Сенат смягчил приговор его. Что это государь настаивал на строгом наказании Лопухина, лишившего его единственного его защитника — Азефа, который раскрыл два покушения против его особы» (ЯПЗ. 3. С. 424).

4 октября. Под вечер в Ясную Поляну приехал публицист Г. К. Градовский. В разговоре с писателем о деле Азефа он рассказал, «какая каша теперь среди революционеров; не знают, кто шпион, кто не шпион». Даже среди правительственных людей начались самоубийства. Недавно покончил с жизнью преемник Лопухина на посту директора Департамента полиции сенатор С. Г. Коваленский, который перед смертью «выдал Бурцеву материал (тайны правительства): шпионаж, провокаторство».

Лев Николаевич, выслушав собеседника, заметил, «что сколько ему не рассказывали про Лопухина, Азефа и т. п., он... не понимает логики, смысла в этом деле (Лопухин—Азеф)» (ЯПЗ. 4. С. 64).

13 декабря. Возвращаясь на санях из Овсянникова в Ясную Поляну, Толстой дорогою молчал, и только, когда подъезжали к лесничеству спросил Д. П. Маковского «про Лопухина, Азефа, изумлялся тем, что человека наказывают за то, что он открыл гадость» (ЯПЗ. 4. С.130).

20 августа 1910 г. После обеда Лев Николаевич предложил одному из своих последователей Х. Н. Абрикосову, приехавшему в Ясную Поляну накануне, прочитать вслух из эмигрантской газеты «Общее дело» (№ 4 от 15 августа), издаваемой Бурцевым в Париже, передовую статью «Азеф, Герасимов, Столыпин». В ней Владимир Львович писал «о том, что русское правительство продолжает содержать на службе провокатора Азефа, организовавшего убийство Плеве и Сергея Александровича, Азефа, затеявшего покушение на царя, и что покровители Азефа — Герасимов и Столыпин — подлежат суду».

На вопросы Толстого: «Кто такой Герасимов и где, по слухам, находится Азеф?», ему ответили, что Герасимов — бывший шеф полиции, а Азеф, говорят, проживает в Америке.

Тогда Лев Николаевич сообщил присутствующим, «что Бурцев писал ему, просил содействия уличить правительство в провокации. Чертков посоветовал с Бурцевым дела не иметь: он ответ сейчас же напечатает» (ЯПЗ. 4. С. 329).

Следует сказать, что в конце июля 1910 года писатель действительно получил от Бурцева письмо, в котором он убеждал Льва Николаевича «поднять голос против <...> преступлений <...>, которые совершает русское правительство <...>, сея повсюду предательства и провокаторства» (ЯПЗ. 4, С. 471).

Этот эпизод отразил в своем дневнике и секретарь писателя В. Ф. Булгаков. 1 августа 1910 года он записал: «После обеда я зашел ко Льву Николаевичу, чтобы взять для В. Г. Черткова письмо его, написанное по поручению Льва Николаевича к В. Л. Бурцеву в Париж и присланное им Льву Николаевичу для просмотра, а также письма Бурцева к Владимиру Григорьевичу и ко Льву Николаевичу. Бурцев касался в письмах излюбленной своей темы — вопроса о борьбе с провокацией»³.

³ Булгаков В. Ф. Л. Н. Толстой в последний год его жизни. М., 1960. С. 313.